

АВТОРЫ

Автор идеи и составитель книги:

Бойкина Екатерина Эдуардовна — кандидат психологических наук, специалист по межкультурной коммуникации, переводчик с английского и немецкого языков, медиатор. На момент опубликования занимает должность доцента кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». Сфера научных интересов: социальный остракизм, психология кибербезопасности, механизмы онлайн-коммуникации, виктимология.

Соавторы:

Анисимова Екатерина Владимировна — заведующая сектором психологического сопровождения ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», практикующий психолог-консультант, имеющий опыт оказания кризисной психологической помощи.

Сфера научных интересов: проблематика детско-родительских и межличностных взаимоотношений, эмоциональной и психологической дезадаптации субклинического уровня (депрессивные, тревожные и острые стрессовые состояния, антивитальные переживания и пр.).

Гурина Оксана Дмитриевна — кандидат психологических наук, начальник отдела психологических экспертных исследований

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр», доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». Научные интересы: исследование ксенофобии, ксенофобских установок; изучение противоправного поведения у детей и подростков; судебная психологическая экспертиза.

Евтеева Мария Юрьевна — кандидат филологических наук. Основным местом работы является ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», доцент кафедры Института иностранных языков. В сферу научных интересов входят лингвистическая семантика, немецкий, латышский, русский, английский языки.

Костина Екатерина Юрьевна — кандидат психологических наук, капитан полиции, преподаватель кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Научные интересы: исследование соотношения творчества и профессиональной деятельности, креативность, вопросы таланта, одаренности и гениальности.

Костина Любовь Николаевна — доктор психологических наук, профессор, полковник полиции, начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Сфера научных интересов включает исследование проблем психологии профессиональной деятельности и профессионального становления, профессионально-личностного развития сотрудников и психологов органов внутренних дел; профессионального обучения, повышения квалификации и переподготовки в образовательных организациях МВД России сотрудников и психологов органов внутренних дел; психологии, типологии и индивидуально-психологических аспектов личности в связи с организацией и осуществлением индивидуального подхода в образовательной, психологической, научной и иных видах деятельности; психологии правомерного и правонарушающего поведения подростков, оказания им психологической помощи и др.

Малахина Светлана Петровна — филолог, переводовед, специалист по межкультурным коммуникациям, лингвист-переводчик с опытом практической работы свыше 25 лет, литературный редактор.

Путинцева Наталья Владимировна — преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», медиатор, тренер по медиации, ведущая восстановительных программ в образовательной и социальной среде, член Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, член Европейского форума по восстановительному правосудию.

Суворова Ирина Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет», член Российского психологического общества. С 2022 г. заведует Лабораторией перспективных исследований социально-психологических потребностей. Научные интересы: дискурсивная психология, нарративные методы, качественные и количественные методы, социальная идентичность, буллинг, социальная эксклюзия, творческие способности сотрудников органов внутренних дел, жизнь несовершеннолетних в современном мире (тренды, интересы, субкультуры).

Чиркина Римма Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». Сфера научных интересов: исследование факторов, способствующих отказу от правонарушающего поведения; разработка программ профилактики правонарушений несовершеннолетних; доказательный подход в проектировании и управлении социальными рисками детства; экспертиза и оценка технологий, социально-психологических практик, проектов, программ и политик в сфере детства.

Шульга Татьяна Ивановна — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета

психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный областной педагогический университет». Автор многочисленных статей, учебных пособий. Научные интересы охватывают разнообразные сферы изучения психики — волю, волевую регуляцию, аутоагрессивное поведение подростков, нарушения социализации детей и подростков в семьях, технологии оказания психологической помощи детям и семьям групп социального риска.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я очень хотела написать эту книгу.

Питер Лангман, автор книги «Почему дети убивают»¹, начинает повествование со слов, что он НЕ хотел писать свою книгу, и популярно объясняет почему. «Антология остракизма» стала желанным и долгожданным чадом.

Истоки замысла

Первоначально книга задумывалась как сборник научных статей отечественных и зарубежных ученых по теме психологического феномена социального остракизма. И называлась бы она «Круги социального остракизма», поскольку отдельно взятые конструкторы феномена, такие как игнорирование, исключение, отвержение, метафорично говоря, как круги на воде, могут частично пересекаться по ряду параметров с другими психологическими феноменами, такими как одиночество, стигматизация, травля и другими. Говоря об остракизме, мы сравниваем его с дантовскими кругами ада: объект остракизма почти всегда страдает — его мозг рефлекторно воспринимает уколы остракизма как боль. Это была бы книга по психологии...

Приступив к работе над книгой, мы поняли, что все пошло не так. Взяв за основу собственное диссертационное исследование, я начала бурный и мучительный внутренний монолог: «Остракизм применяется социальными видами животных. Понятно, не спорю.

¹ Лангман П. Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка / Питер Лангман; [пер. с английского С.А. Карпова]. М.: Эксмо, 2022. 304 с.

А в каких формах он проявляется, у всех одинаково или по-разному?» «“Культура отмены” — это психологический феномен или он ближе к социологии?» «А как с литературными произведениями? “Отверженные” Виктора Гюго. А еще?» И далее... по дантовским кругам. В итоге первоначальная концепция претерпела некоторые качественные изменения. Прежде всего пришло понимание, что для всестороннего рассмотрения социального остракизма (под которым мы понимаем любые проявления игнорирования, исключения и отвержения) необходим такой же всесторонний подход. Несмотря на то что ядро книги составляет психологический подход к рассматриваемым явлениям, она должна содержать в себе знания из разных наук, то есть стать междисциплинарной.

Это «разноцветие» научных подходов в рамках одной книги подарило ей название, и пазл сложился. Вы держите в руках антологию (*др.- греч.* — *ἀνθολογία*, дословно — «собрание цветов») — сборник литературных текстов сравнительно небольшого объема, созданных как одним, так и несколькими авторами. В число соавторов данной книги вошли специалисты в разных областях: психологи, лингвист и филолог, специалист по восстановительным практикам.

О языке и стилистике

Более широкий охват тематик и научных направлений как следствие повлек за собой желание расширить аудиторию читателей: сделать книгу интересной и познавательной не только для академического мира, но и для любого человека, далекого от науки, но также готового погрузиться в пучину такого непростого понятия, как социальный остракизм, изведать каждый камушек и песчинку на самом дне. Я многое могла бы написать о читателе этой книги, но, прочитав обращение доктора биологических наук Виктора Рафаэльевича Дольника к читателю книги «Непослушное дитя биосферы...», поняла, что лучшее уже сказано¹. И я с ним согласна.

¹ Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей / В.Р. Дольник. СПб. Петроглиф, 2009. 352 с.

Замахнувшись на оксюморон «общедоступная наука», я не могла не пересмотреть и стиль изложения, частично отказавшись от строгих канонов научного стиля. Авторы этой книги старались расцветить язык повествования эмоционально окрашенной лексикой, подарить яркие запоминающиеся образы-метафоры, добавить немного дум-рассуждений, но подать все в строгом соответствии с логикой, последовательно и ясно, на основе достоверных фактов.

Миссии этой книги

Да, да, миссия, как и цель, должна быть одна. Дорогой читатель, позвольте сделать исключение: у нас две миссии.

«За Отчизну обидно!» Миссия 1 — собрать в одном литературном источнике максимум разноплановой информации по тематике «социальный остракизм» на русском языке, что может представлять интерес для широкого круга читателей. Более того, эта книга постепенно перешла на уровень учебного пособия: она, безусловно, станет интересной также и для студентов, обучающихся по психолого-педагогическому направлению.

«Ее Величество Книга». Миссия 2 — вернуть книгам читателя. О проблематике снижения читательского интереса я писать не буду. Это грустно, печально, и... глупо (уж простите за такой всплеск эмоционального просторечия). Век номофобии, восприятия визуальной информации на основе инфографики, мемов, эмодзи, когда четыре тома «Войны и мира» укладываются в четыре абзаца на каком-нибудь интернет-ресурсе, — все это привело нас к непочтительному отношению к Книге. Фрэнсис Бэкон писал: «Книги — это корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению». Относясь к Книге как к венценосной особе, мы постарались дать вам, дорогой читатель, простор для многих счастливых моментов встреч с интересными, глубокими, интригующими книгами: в конце каждого раздела мы приготовили для вас небольшой список наиболее интересных литературных источников в рассматриваемой области.

Дорогой читатель, приглашаю вас в путешествие, которое начнется с самок гиен с повышенным уровнем тестостерона, изгоняющих слабых самцов, пронесется по различным племенам

и народам, проложит путь по литературным тропам, начиная от В. Гюго и заканчивая актуальным прочтением остракизма в современных работах, а далее мы с вами будем все глубже и глубже погружаться в психологические основы процессов игнорирования, исключения и отвержения, узнаем, как остракизм ассимилировался в виртуальном пространстве, что такое орбитинг, го-стинг, фаббинг. У нашего познавательного вояжа обязательно будет счастливый конец: мы узнаем, как противостоять негативному воздействию такого мощного и грозного психологического феномена, как социальный остракизм. Кстати, в конце окажется, что не всегда оно такое негативное (извините за спойлер).

В добрый путь!

*Автор-составитель
кандидат психологических наук
Бойкина Екатерина Эдуардовна,
2023 год*

Глава 1

**ЭТОТ МНОГОГРАННЫЙ
ОСТРАКИЗМ...**

Остракизм как психологический феномен, будучи неотъемлемой частью социальной коммуникации, развивался и модифицировался на всех этапах эволюции человека и некоторых видов социальных животных. Антропология и философия рассматривают его как институт, имеющий древнее происхождение и ритуальные корни. История возникновения собственно названия данного феномена берет начало в Античности и лежит скорее в поле политологии, поскольку изначально «остракизм» представлял собой правовой акт — закон об остракизме.

Понимание феномена социального остракизма не ограничивается рамками заложенных в него подконструктов игнорирования, исключения и/или отвержения. На наш взгляд, для его научного осмысления в рамках психологии необходимо рассмотреть исторические предпосылки возникновения данного понятия, его антропологические аспекты, проанализировать родственные понятия и, наконец, подойти к тому, как его понимает современная отечественная и зарубежная психология. Именно такой комплексный междисциплинарный подход к осмыслению феномена «социальный остракизм» позволит приблизиться к пониманию глубинных механизмов этого явления.

1.1. АНТИЧНЫЕ ОСТРАКОНЫ

Бойкина Е.Э.

Совет и народ постановили...

В государствах-полисах Древней Греции остракизм применялся как мера изгнания влиятельных граждан на определенный срок «без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах»¹. Примечательно, что античный остракизм отвечал главному критерию определения социального остракизма как психологического феномена, — он не предполагал возможности обратной коммуникации со стороны изгнанного.

Сегодня античному остракизму часто приписывают *карательную* функцию. Но так ли это на самом деле? Для того чтобы понять, что же представлял собой остракизм как исторический факт, заглянем в глубь веков, а если точнее, во времена расцвета афинской демократии (середина V века до н.э. — конец IV века до н.э.).

Древняя Греция подарила миру не только греческое алфавитное письмо, алфавит, Олимпийские игры, великих философов Аристотеля, Платона, Сократа, Анаксимена, геометрию Евклида, теорему Пифагора, ионийский и дорический ордера в архитектуре, но и уникальную демократическую систему.

К середине V века до н.э. одним из самых значимых городов-полисов древнегреческой цивилизации стали Афины. В период своего расцвета население Афин достигало громадной для тех времен цифры в 100 тыс. человек. По мнению российского

¹ Суриков И.Е. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена // История и современность. 2005. № 2. С. 114.

историка И.Е. Сурикова, полис — это не столько город-государство, сколько городская гражданская община. Полис состоял из собственно самого города и его окрестностей (хоры).

Одна из основополагающих ценностей такой общины — гражданство. Только гражданин (мужского рода и старше 20 лет) обладал всеми социальными, политическими, экономическими правами в своем полисе. Согласно закону Перикла 451 г. до н.э., в 18 лет юноши Афин подвергались докимасии — процедуре проверки на предмет происхождения. Гражданином Афин признавался только тот, чьи родители были гражданами этого полиса и состояли в браке.

Помимо граждан, в Афинском полисе проживали метеки (граждане других полисов) и рабы.

Ключевым в афинской демократии было правило законодательной инициативы, которым обладали все без исключения граждане полиса: свободные предприниматели, земледельцы, горожане, бедняки и представители господствующего класса. Все ветви власти давали возможность для участия в жизни полиса любому его гражданину. Именно так и реализовывался принцип демократии — полисом на всех уровнях власти правил народ (демос).

Законодательная власть была представлена эkkлeсией (Народное собрание — все граждане полиса мужского пола старше 20 лет, прошедшие с 18 до 20 лет год военной подготовки и год охраны границ государства) и Буле (Совет 500 — выборный путем жеребьевки орган из представителей десяти аттических фил; работал в течение года, затем Совет 500 переизбирался). Оглашение любого принятого закона начиналось словами: «Совет и народ постановили...».

Судебная власть осуществлялась посредством работы суда присяжных, гелиэя, состоявшего из добропорядочных граждан старше 30 лет. Судьи, в количестве 6 тыс. человек, назначались на свои должности ровно на год. Для участия в заседании гелиэя проводилась жеребьевка 501 участника. *Исполнительная власть* осуществлялась коллегиеями должностных лиц, магистратами (в Греции чаще использовалось обозначение «архонты»). Магистраты избирались путем жеребьевки из числа всех граждан полиса старше 30 лет сроком на год без права переизбрания. Исключение, правда, составлял выбор на военные должности — таких магистратов граждане выбирали прямым голосованием.

Представленный выше краткий исторический экскурс поможет нам правильно оценить такой политический институт древнегреческой демократии, как остракизм. Но прежде стоит сделать небольшое уточнение: остракизм не единственный институт, который стоял на страже, защищая демократические основы афинского общества. О докимазии мы писали ранее. В число других институтов, по мнению историков, входят графэ параномон, исангелия (эйсангелия) и атимия¹ (см. Глоссарий).

Зачастую возникновение такого института, как остракизм, приписывают демократическим реформам архонта Клисфена. Все верно, но есть нюансы. Как мы уже установили, исполнительная власть в Афинах выбиралась демосом лишь на ограниченный срок, а именно на один год. В этой связи историческим фактом является то, что в период правления архонта Клисфена с 506 по 505 г. до н.э. процедура остракизма стала нормативным актом — был принят закон об остракизме. Однако этому событию предшествовал многолетний подготовительный период. Ряд историков предполагают, что на раннем этапе развития Афинского государства решение о временном изгнании принималось Ареопагом, игравшим роль городского совета. Позднее, после реформ Солона, решение этого вопроса перешло к Совету 400. И только при Клисфене право проведения остракизма было передано еkkлeсии, Народному собранию.

В отличие от исангелии, атимии и других древнегреческих институтов, тем или иным образом защищавших демократические основы полиса и предполагавших ряд наказаний в рамках ограничения прав гражданина, только остракизм назначал «временную смерть» гражданина для афинского общества — изгнание. Кроме этого, стоит отметить, что, например, докимазии обязательно подвергались все граждане Афин. Графэ параномон, исангелия и атимия потенциально могли применяться к любому гражданину полиса, и по факту делалось это нередко. Как сейчас можно было бы сказать, «в рабочем порядке». А вот остракизм,

¹ Интересно, что ряд исследователей социального остракизма в области психологии продолжили тему античности в своих современных работах: новый прием симуляции мотивированного остракирования в лабораторных условиях назвали «Атимия» (см.: Wirth J.H., Bernstein M.J., Leroy A.S. Atimia: A New Paradigm for Investigating How Individuals Feel When Ostracizing Others // *The Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 155. P. 497–514).

как это ни парадоксально, — явление редкое: по факту, историкам известно лишь о 10–12 случаях применения остракизма в Афинах¹. Остракизм — чисто политический инструмент воздействия, его объект — это всегда представитель политической элиты, чье пусть и временное, но законное устранение с политической арены могло бы способствовать укреплению позиции той или иной группы, принятию тех или иных законов, препятствовать возникновению или укреплению оппозиции в афинском обществе. Остракизм также применялся и в других древнегреческих полисах: Милете, Сиракузах, Аргосе, Эфесе и др.

Процедура остракизма, или «суд черепков» (др.-греч., ὄστρακον — «черепок, скорлупа»):

«Раз в год на одном из заседаний Народного собрания ставился вопрос о необходимости проведения остракизма. Если большинство граждан считало, что такая необходимость существует, то через некоторое время на афинской агоре проводили процедуру остракизма, которую можно расценивать как особую форму Народного собрания. Афинские граждане на черепках писали имя того политического деятеля, который, по их мнению, представлял угрозу для существующего правопорядка. Политик, имя которого на черепках написали более 6 тыс. граждан, должен был на десять лет покинуть пределы Аттики. Это изгнание не было наказанием, человек не лишался гражданского статуса и имущества, но на длительный срок исключался из политической борьбы в Афинах»².

Слово «остракизм», появившееся в тексте закона, пережив свое первичное смысловое наполнение как *превентивная* мера защиты демократии, вошло во многие языки народов мира почти без изменения и используется сегодня в контексте отвержения, изгнания, неприятия кого-либо кем-либо.

P.S. Кстати! Хотя Древняя Греция и считается «прародительницей» остракизма (в данном случае, собственно, названия понятия), нельзя не упомянуть, что схожие нормы права применялись и в других государствах в разные периоды времени. При этом, в отличие от античного превентивного остракизма, изгнание

¹ Söderberg P., Fry D.P. Anthropological Aspects of Ostracism // In Ostracism, Exclusion, and Rejection, ed. by Kipling D. Williams & Steve A. Nida. Publisher: Routledge. 2017.

² История Древней Греции, 2006. С. 153.

применялось именно как норма наказания. В качестве примера можно привести положения судебной системы Японии эпохи Эдо, а именно *кудзиката осадамэ гаки* — вид судебного кодекса, применявшегося к простолюдинам. Проект этого сборника законов и юридических норм был создан восьмым сегуном Есимунэ под влиянием китайских кодексов династий Мин и Цин. Его окончательное завершение датируется 1743 г. Он постоянно расширялся до 1754 г. Кодекс держался в секрете, и лишь ограниченное количество экземпляров было вручено служащим, подчиненным чиновникам судебного ведомства — *хедзесе*. Данный кодекс предусматривал шесть видов смертной казни простолюдинов. Следующим по строгости наказания шло изгнание. При этом, например, за преднамеренное убийство простолюдин мог быть как обезглавлен (*дзан-дзай*), так и выслан в «дальнюю ссылку» (*энто*). То есть в данном случае мы видим, что остракизм по силе воздействия законодательно сопоставлялся с казнью! Кодекс также различал разные виды изгнания. За прелюбодеяние с женщиной, выданной замуж без ее согласия, простолюдин отправлялся в изгнание (*дзю цуйхо*), а в ссылку средней удаленности (*тю цуйхо*) — за любовную связь с дочерью господина. Если крестьянина или торговца поймали за ношение меча или за прелюбодеяние с обрученной женщиной, то такой простолюдин приговаривался к ссылке небольшой дальности (*кей цуйхо*). Изгнание из города Эдо (*Эдо хараи*) применялось к слугам воина, ранившего кого-либо в пьяном состоянии, или к тем, кто скрывал у себя изгнанника.

В деревнях Японии Токугава иногда применялась удивительно похожая на античный остракизм процедура изгнания, называемая *цуйхо*. Жители деревни тайным голосованием решали, следует ли кого-то изгнать и конфисковать его сельскохозяйственные угодья¹.

Советуем к прочтению:

1. Античная демократия в свидетельствах современников. М.: Ладомир, 1996. 383 с. («Античная классика»)

¹ Ooms H. Tokugawa Village Practice, Class, Status, Power, Law. 1996. University of California Press.

2. *Кудрявцева Т.В.* Народный суд и афинская демократия: Дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.03. СПб., 2008. 677 с.
3. *Кузищин В.И.* История Древней Греции: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений М.: Академия, 2006. 480 с.
4. Япония эпохи Эдо: политическое устройство, экономическая жизнь, обряды жизненного цикла, письменность и науки, искусство, частная жизнь/ Франсуа и Миэко Масае ; [пер. с фр. А. Н. Степановой]. — Москва : Вече, 2013. 382 с.
5. *Суриков И.Е.* Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи: Дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.03. М., 2004. 654 с.
6. *Malkopoulou A.* Ostracism and democratic self-defense in Athens / A. Malkopoulou // *Constellations*. 2017. Vol. 24. P. 623–636.